

Франки же владычествовали в Элладе, не пересоздавая ее, и промелькнули в стране, не наложив на ее культуре никакой прочной печати. Если греческое солнце и смягчило нравы завоевателей, то едва ли в них запало сознание того, что только благодаря необычайной случайности завладели они страной, которая породила более блестящие творения и идеи, чем все прочее, призванное к жизни какими-либо народностями. Греческий отдел всемирной истории был не про завоевателей писан или, по крайней мере, страницы его прошли для них навеки не замеченными. Афины, Спарта, Фивы и Коринф тем менее пробуждали во франках идеальные представления, что эти города и сами давно уж пали и населены были выродившимся племенем, которое по большей части забыло собственное прошлое и относило классические развалины Греции к эпохе «великанов».

Никогда не было еще людей, которые бы являлись на античной почве настолько поборниками современности, как именно франки в Элладе. Самые даже невежественные воины среди крестоносцев в Сирии понимали значение Иерусалима для человечества как колыбели христианства, но ни ла Рош, ни Вильгардуен не имели ключа к разумению значения Афин или Спарты. Чтобы заполучить этот ключ, завоевателям наперед надлежало бы постигнуть истинное значение художественной красоты и науки; им следовало бы усвоить себе, что представляет собой греческий язык и что означают такие имена, как Гомер, Фидий, Софокл, Пиндар и Платон. Целые еще столетия должны были пройти, Константинополь должен был отурчиться, само существование Афин должно было впасть на Западе в забвение и затем как бы объявиться вновь, прежде чем в Элладу вернулись опять потомки латинян XIII в., и вот им-то суждено было обследовать с восторженным благочестием все занесенные прахом развалины древнегреческого мира и в то же время пролить свет на владычество в том крае франков, самая память о которых сохранилась разве в нескольких наименованиях городов и местечек.